

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев

Миг один... и нет волшебной сказки –
И душа опять полна возможным...
А. Фет.

Фантазия

I

Я долго не мог заснуть и беспрестанно переворачивался с боку на бок. «Чёрт бы побрал эти глупости с вертящимися столами! – подумал я, – только нервы расстраивать...» Дремота начала наконец одолевать меня...

Вдруг мне почудилось, как будто в комнате слабо и жалобно прозвенела струна.

Я приподнял голову. Луна стояла низко на небе и прямо глянула мне в глаза. Белый как мел лежал ее свет на полу... Явственно повторился странный звук.

Я оперся на локоть. Легкий страх щипнул меня за сердце. Прошла минута, другая... Где-то далеко прокричал петух; еще дальше отозвался другой.

Я опустил голову на подушку. «Вот до чего можно довести себя, – подумал я опять, – в ушах звенеть станет».

Спустя немного я заснул – или мне казалось, что я заснул. Мне привиделся необыкновенный сон. Мне чудилось, что я лежу в моей спальне, на моей постели – и не сплю и даже глаз не могу закрыть. Вот опять раздаётся звук... Я оборачиваюсь... След луны на полу начинает тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозя как туман, неподвижно стоит белая женщина.

– Кто ты? – спрашиваю я с усилием. Голос отвечает, подобный шелесту листьев:

– Это я... я... я... Я пришла за тобой.

– За мной? Да кто ты?

– Приходи ночью на угол леса, где старый дуб. Я там буду.

Я хочу взглянуть в черты таинственной женщины – и вдруг невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодом. И вот я уже не лежу, а сижу в своей постели – и там, где, казалось, стоял призрак, свет луны белеется длинной чертою по полу.

II

День прошел кое-как. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мне, как будто ждало чего-то. Я лег и повернулся лицом к стене.

– Отчего же ты не пришел? – раздался в комнате явственный шёпот.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призрак. Неподвижные глаза на неподвижном лице – и взор исполнен печали.

– Приходи! – слышится снова шёпот.

– Приду, – отвечаю я с невольным ужасом. Призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым, – и луна опять мирно забелела на гладком полу.

III

Я провел день в волнении. За ужином я выпил почти целую бутылку вина, вышел было на крыльцо, но вернулся и бросился в постель. Кровь тяжело колыхалась во мне.

Опять послышался звук... Я вздрогнул, но не оглянулся. Вдруг я почувствовал, что кто-то тесно обнял меня сзади и в самое ухо мне лепечет: «Приди, приди, приди...»

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Затрепетав от испуга, я простонал:

– Приду! – и выпрямился.

Женщина стояла наклонясь возле самого моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успел разглядеть ее лицо. Мне показалось, что я видел ее прежде; но где, когда? Я встал поздно и целый день бродил по полям, подходил к старому дубу на окраине леса и внимательно осматривался кругом.

Перед вечером я сел у раскрытого окна в своем кабинете. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю – но я не прикасался к ней... Я всё недоумевал и спрашивал себя: «Не с ума ли я схожу?» Солнце только что закатилось, и не одно небо зарделось – весь воздух внезапно наполнился каким-то почти неестественным багрянцем: листья и травы, словно покрытые свежим лаком, не шевелились; в их окаменелой неподвижности, в резкой яркости их очертаний, в этом сочетании сильного блеска и мертвой тишины было что-то странное, загадочное. Довольно большая серая птица вдруг, безо всякого шума, прилетела и села на самый край окна... Я посмотрел на нее – и она посмотрела на меня сбоку своим круглым темным глазом. «Уж не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» – подумал я.

Птица тотчас взмахнула своими мягкими крыльями и улетела по-прежнему без шума. Я долго еще сидел у окна, но я уже не предавался недоумению: я как будто попал в заколдованный круг – и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как, еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку. Я встрепенулся наконец. Багрянец воздуха давно исчез, краски потемнели, и прекратилась заколдованная тишина. Ветерок запорхал, луна всё ярче выступала на посиневшем небе, – и скоро листья деревьев заиграли серебром и чернью в ее холодных лучах. Моя старуха вошла в кабинет с зажженной свечкой, но из окна дохнуло на нее – и пламя погасло. Я не мог выдержать более, вскочил, нахлобучил шапку и отправился на угол леса к старому дубу.

IV

В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось в нем на несколько столетий. Когда я стал подходить к нему, на луну набежала тучка: было очень темно под его широкими ветвями. Сперва я не заметил ничего особенного; но глянул в сторону – и сердце во мне так и упало: белая фигура стояла неподвижно возле высокого куста, между дубом и лесом. Волосы слегка зашевелились у меня на голове; но я собрался с духом – и пошел к лесу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился к ней, месяц засиял снова. Она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана – сквозь ее лицо мне виднелась ветка, тихо колеблемая ветром, – только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блистало бледным золотом узкое кольцо. Я остановился перед нею и хотел заговорить; но голос замер у меня в груди, хотя собственно страха я уже не ощущал. Ее глаза обратились на меня: взгляд их выражал не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное внимание. Я ждал, не произнесет ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной и всё глядела на меня своим мертвенно-пристальным взглядом. Мне опять стало жутко.

– Я пришел! – воскликнул я наконец с усилием.

Глухо и чудно раздался мой голос.

– Я тебя люблю, – слышался шёпот.

– Ты меня любишь! – повторил я с изумлением.

– Отдайся мне, – снова прошелестило мне в ответ.

– Отдаться тебе! Но ты призрак – у тебя и тела нет. – Странное одушевление овладело мною. – Что ты такое, дым, воздух, пар? Отдаться тебе! Отвечай мне сперва, кто ты? Жила ли ты на земле? Откуда ты явилась?

– Отдайся мне. Я тебе зла не сделаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрел на нее. «Что это она говорит? – подумал я. – Что это всё значит? И

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
как же она возьмет меня? Или попытаться?»

– Ну, хорошо, – произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул. – Возьми меня!

Не успел я произнести эти слова, как таинственная фигура с каким-то внутренним смехом, от которого на миг задрожало ее лицо, покачнулась вперед, руки ее отделились и протянулись... Я хотел было отскочить; но я уже был в ее власти. Она обхватила меня, тело мое поднялось на пол-аршина от земли – и мы оба понеслись плавно и не слишком быстро над неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась – и я невольно закрыл глаза... Минуту спустя я открыл их снова. Мы неслись по-прежнему. Но уже леса не было видно; под нами расстиралась равнина, усеянная темными пятнами. Я с ужасом убедился, что мы поднялись на страшную высоту.

«Я пропал, я во власти сатаны», – сверкнуло во мне, как молния. До того мгновенья мысль о наважденье нечистой силы, о возможности гибели мне в голову не приходила. Мы всё мчались и, казалось, забирали всё выше и выше.

– Куда ты несешь меня? – простонал я наконец.

– Куда хочешь, – отвечала моя спутница. Она вся прильнула ко мне; лицо ее почти прислонилось к моему лицу. Впрочем, я едва ощущал ее прикосновение.

– Опустить меня на землю; мне дурно на этой высоте.

– Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался – и тотчас же почувствовал, что падаю, как брошенный камень... воздух засвистал в моих волосах. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись над самой землей, так что цеплялись за верхушки высоких трав.

– Поставь меня на ноги, – начал я. – Что за удовольствие летать? Я не птица.

– Я думала, что тебе приятно будет. У нас другого занятия нет.

– У вас? Да кто вы такие? Ответа не было.

– Ты не смеешь мне это сказать?

Жалобный звук, подобный тому, который разбудил меня в первую ночь, задрожал в моих ушах. Между тем мы продолжали чуть заметно двигаться по влажному ночному воздуху.

– Пусти же меня! – промолвил я. Спутница моя тихо отклонилась – и я очутился на ногах. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрел ей в лицо: по-прежнему оно выражало покорную грусть.

– Где мы? – спросил я. Я не узнавал окрестных мест.

– Далеко от твоего дома, но ты можешь быть там в одно мгновение.

– Каким это образом? опять довериться тебе?

– Я не сделала тебе зла и не сделаю. Полетаем с тобой до зари, вот и всё. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь – во все края земли. Отдайся мне! Скажи опять: возьми меня!

– Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мне, ноги мои опять отделились от земли – и мы полетели.

VI

– Куда? – спросила она меня.

– Прямо, всё прямо.

– Но тут лес.

– Поднимись над лесом – только тише.

Мы взмыли кверху, как вальдшнеп, налетевший на березу, и опять понеслись в прямом направлении. Вместо травы вершины деревьев мелькали у нас под ногами. Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрерывным шорохом, похожим на невнятное ворчанье. Кое-где попадалась небольшая поляна; красиво чернела с одной ее стороны зубчатая полоса тени... Заяц изредка жалобно кричал внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; в воздухе пахло грибами, почками, зорей-травой; лунный свет так и разливался во все стороны – холодно и строго; «стожары» блистали над самой головой. Вот и лес остался позади; в поле протянулась полоса тумана: это река текла. Мы понеслись вдоль одного из ее берегов над кустами, отяжелевшими и неподвижными от сырости. Волны на реке то лоснились синим лоском, то катились темные и словно злые. Местами странно двигался над ними тонкий пар – и чашки водяных лилий девственно и пышно белели всеми своими распутившимися лепестками, точно знали, что до них добраться невозможно. Мне вздумалось сорвать одну из них – и вот я уже очутился над самой гладью реки... Сырость неприятно ударила мне в лицо, как только я перервал тугой стебель крупного цветка. Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники, которых мы то и дело будили и за которыми гнались. Нам не раз случалось налетать на семейку диких уток, расположенных кружком на чистом местечке между тростниками, но они не шевелились; разве одна из них торопливо вынет шею из-под крыла, посмотрит, посмотрит и хлопотливо засунет опять нос в пушистые перья, а другая слабо крикнет, причем всё ее тело немножко дрогнет. Мы испугнули одну цаплю: она поднялась из ракитового куста, болтая ногами и с неуклюжим усилием махая крыльями; тут она мне показалась действительно похожей на немца. Рыба нигде не плескалась – спала тоже. Я начинал привыкать к ощущению полета и даже находил в нем приятность: меня поймет всякий, кому случалось летать во сне. Я принялся с большим вниманием рассматривать странное существо, по милости которого со мной совершались такие неправдоподобные события.

VII

Это была женщина с маленьким нерусским лицом. Иссера-беловатое, полупрозрачное, с едва означенными тенями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе – и опять показалось мне знакомым.

– Можно с тобой говорить? – спросил я.

– Говори.

– Я вяжу у тебя кольцо на пальце; ты, стало быть, жила на земле – ты была замужем?

Я остановился... Ответа не было.

– Как тебя зовут – или звали по крайней мере?

– Зови меня Эллис.

– Эллис! Это английское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

– Нет.

– Отчего же ты именно ко мне явилась?

– Я тебя люблю.

– И ты довольна?

– Да; мы носимся, мы кружимся с тобою по чистому воздуху.

– Эллис! – сказал я вдруг, – ты, может быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.

– Я тебя не понимаю, – шепнула она.

– Заклинаю тебя именем бога... – начал было я.

– Что ты говоришь? – промолвила она с недоумением. – Я не понимаю. – Мне показалось, что рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, тихо шевельнулась...

– Не бойся, – промолвила Эллис, – не бойся, мой милый! – Ее лицо обернулось и придвинулось к моему лицу... Я почувствовал на губах моих какое-то странное ощущение, как бы прикосновение тонкого и мягкого жала... Незлые пиявки так берутся.

VIII

Я взглянул вниз. Мы уже опять успели подняться на довольно значительную высоту. Мы пролетали над неизвестным мне уездным городом, расположенным на скате широкого холма. Церкви высились среди темной массы деревянных крыш, фруктовых садов; длинный мост чернел на изгибе реки; всё молчало, отягченное сном. Самые куполы и кресты, казалось, блестели безмолвным блеском; безмолвно торчали высокие шести колодцев возле круглых шапок ракии; белесоватое шоссе узкой стрелой безмолвно впивалось в один конец города и безмолвно выбегало из противоположного конца на сумрачный простор однообразных полей.

– Что это за город? – спросил я.

– ...сов.

– ...сов в ...ой губернии?

– Да.

– Далеко же я от дому!

– Для нас отдаленности нет.

– В самом деле? – Внезапная удаля вспыхнула во мне. – Так неси же меня в Южную Америку!

– В Америку не могу. Там теперь день.

– А мы с тобой ночные птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.

– Закрой глаза и не дыши, – отвечала Эллис. – и мы помчались с быстротою вихря. С потрясающим шумом врвался воздух в мои уши.

Мы остановились, но шум не прекращался. Напротив: он превратился в какой-то грозный рев, в громовой гул...

– Теперь можешь открыть глаза, – сказала Эллис.

IX

Я повиновался... Боже мой, где я?

Над головой тяжелые дымные тучи; они теснятся, они бегут, как стадо злобных чудовищ... а там, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Белая пена судорожно сверкает и кипит на нем буграми – и, вздымая косматые волны, с грубым грохотом бьет оно в громадный, как смоль черный, утес. Завывание бури, леденящее дыхание расколыхавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных гольшей, внезапный крик невидимой чайки, на мутном небосклоне шаткий остов корабля – всюду смерть. Смерть и ужас... Голова у меня закружилась – и я снова с замиранием закрыл глаза...

– Что это? где мы?

– На южном берегу острова Уайт, перед утесом Блак-ганг, где так часто разбиваются корабли. – промолвила Эллис, на этот раз особенно отчетливо и. как мне показалось, не без злорадства.

– Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой! Я сжался весь, стиснул лицо руками... Я чувствовал, что мы понеслись еще быстрее прежнего; ветер уже не выл и не свистал – он визжал в моих волосах, в моем платье... дух захватывало...

– Стань же на ноги, – раздался голос Эллис.

Я силился овладеть собою, своим сознанием... Я ощущал под подошвами землю и не слышал ничего, точно всё замерло кругом... только в виски неровно стучала кровь и с слабым внутренним звоном всё еще кружилась голова. Я выпрямился и открыл глаза.

X

Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракит, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто сырые... Утро уже дохнуло на них. По чистому серому небу тянулись, словно полосы дыма, две-три косые тучки; они казались желтоватыми – первый слабый отблеск зари падал на них бог весть откуда: глаз еще не мог различить на побелевшем небосклоне то место, где она должна была заняться. Звезды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя всё уже просыпалось в очарованной тишине раннего полусвета.

– Утро! вот утро! – воскликнула над самым моим ухом Эллис... – Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отделяясь от земли, она плыла мимо – и вдруг подняла обе руки над головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули телесным, теплым цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною... Но, как бы падая в обморок, она тотчас опрокинулась назад и растаяла, как пар.

Я остался недвижим.

Когда я опомнился и оглянулся, мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, всё еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом... Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первое утреннее лепетанье гусенят (раньше их ни одна птица не просыпается); вдоль крыши на конце каждой притужины сидело по галке – и все они хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочном небе. Изредка они разом все поднимались – и, полетав немного, садились опять рядком, без крика... Из недалевого леса два раза принеслось сипло-свежее чуфыканье черныша-тетерева, только что слетевшего в росистую, ягодами заросшую траву... С легкой дрожью в теле я добрался до постели и скоро заснул крепким сном.

XI

На следующую ночь, когда я стал подходить к старому дубу, Эллис понеслась мне навстречу, как к знакомому. Я не боялся ее по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что со мной происходило; мне только хотелось полетать подальше по любопытным местам.

Рука Эллис опять обвилась вокруг меня – и мы опять помчались.

– Отправимся в Италию, – шепнул я ей на ухо.

– Куда хочешь, мой милый, – отвечала она торжественно и тихо – и тихо и торжественно повернула ко мне свое лицо. Оно показалось мне не столь прозрачным, как накануне; более женственное и более важное, оно напомнило мне то прекрасное создание, которое мелькнуло передо мной на утренней заре перед разлукой.

– Нынешняя ночь – великая ночь, – продолжала Эллис. – Она наступает редко – когда семь раз тринадцать...

Тут я не дослушал несколько слов.

– Теперь можно видеть, что бывает закрыто в другое время.

– Эллис! – взмолился я, – Да кто же ты? скажи мне, наконец!

Она молча подняла свою длинную белую руку. На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета.

– Как мне понять тебя? – начал я. – Или ты – как эта комета носится между планетами и солнцем – носишься между людьми... и чем?

Но рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза... Словно белый туман из сырой долины обдал меня...

– В Италию! в Италию! – послышался ее шёпот. – Эта ночь – великая ночь!

XII

Туман перед моими глазами рассеялся, и я увидел под собою бесконечную равнину. Но уже по одному прикосновению теплого и мягкого воздуха к моим щекам я мог понять, что я не в России; да и равнина та не походила на наши русские равнины. Это было огромное тусклое пространство, по-видимому не поросшее травой и пустое; там и сям, по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блистали стоячие воды; вдали смутно виднелось неслышное, недвижимое море. Крупные звезды сияли в промежутках больших красивых облаков; тысячеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду – и чуден был этот пронзительный и дремотный гул. Этот ночной голос пустыни...

– Понтийские болота, – промолвила Эллис. – Слышишь лягушек? Чувствуешь запах серы?

– Понтийские болота... – повторил я, и ощущение величавой унылости охватило меня. – Но зачем принесла ты меня сюда, в этот печальный, заброшенный край? Полетим лучше к Риму.

– Рим близок, – отвечала Эллис... – Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйвол медленно поднял из вязкой тины свою косматую чудовищную голову с короткими вихрами щетины между криво назад загнутыми рогами. Он косо повел белками бессмысленно-злых глаз и тяжело фыркнул мокрыми ноздрями, словно почувал нас.

– Рим, Рим близок... – шептала Эллис. – Гляди, гляди вперед...

Я поднял глаза.

Что это чернеет на окраине ночного неба? Высокие ли арки громадного моста? Над какой рекой он перекинут? Зачем он порван местами? Нет. Это не мост, это древний водопровод. Кругом священная земля Кампании, а там, вдали. Албанские горы – и вершины их и седая спина старого водопровода слабо блестят в лучах только что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухе перед уединенной развалиной. Никто бы не мог сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней... Черный плюш, обливал ее всю своей мертвенной силой – а внизу раскрывался, как зев, полуобрушенный свод. Тяжелым запахом погреба веяло мне в лицо от этой груды мелких, тесно сплоченных камней, с которых давно свалилась гранитная оболочка стены.

– Здесь. – произнесла Эллис и подняла руку. – Здесь! Проговори громко, три раза сряду, имя великого римлянина.

– Что же будет?

– Ты увидишь. Я задумался.

– Divus Cajus Julius Caesar!.. [1] – воскликнул я вдруг, – divus Cajus Julius Caesar! – повторил я протяжно. – Caesar!

XIII

Последние отзвучия моего голоса не успели еще замереть, как мне послышалось...

Мне трудно сказать, что именно. Сперва мне послышался смутный, ухом едва

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

уловимый, но бесконечно повторявшийся взрыв трубных звуков и рукоплесканий. Казалось, где-то. Страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелилась несметная толпа – и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий, многовековый сон. Потом воздух заструился и потемнел над развалиной... Мне начали мерещиться тени. мириады теней, миллионы очертаний, то округленных, как шлемы, то протянутых, как копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копьях и шлемах – и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряжение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно... И вдруг мне почудилось, как будто трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны...! «Caesar, Caesar veni!» [2], – зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря... Прокатился глухой удар – и голова бледная, строгая, в лавровом венке, с опущенными веками, голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...

На языке человеческого нету слов для выражения ужаса, который сжал мое сердце. Мне казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы – и я тотчас же умру.

– Эллис! – простонал я, – я не хочу, я не могу, не надо мне Рима, грубого, грозного Рима... Прочь, прочь отсюда!

– Малодушный! – шепнула она, – и мы умчались. Я успел еще услышать за собою железный, громовый на этот раз, крик легионов... Потом всё потемнело.

XIV

– Оглянись, – сказала мне Эллис, – и успокойся.

Я послушался – и, помню, первое мое впечатление было до того сладостно, что я мог только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкий не то свет, не то туман – обливал меня со всех сторон. Сперва я не различал ничего: меня слепил этот лазоревый блеск – но вот понемногу начали выступать очертания прекрасных гор, лесов; озеро раскинулось подо мною с дрожавшими в глубине звездами, с ласковым ропотом прибоя. Запах померанцев обдал меня волной – и вместе с ним и тоже как будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодого женского голоса. Этот запах, эти звуки так и потянули меня вниз – и я начал спускаться... спускаться к роскошному мраморному дворцу, приветно белевшему среди кипарисной рощи. Звуки лились из его настезь раскрытых окон; волны озера, усеянного пылью цветов, плескались в его стены – и прямо напротив, весь одетый темной зеленью померанцев и лавров, весь облитый лучезарным паром, весь усеянный статуями, стройными колоннами, портиками храмов, поднимался из лона вод высокий круглый остров...

– *Isola Bella!* – проговорила Эллис. – *Lago Maggiore...*

Я промолвил только: а! и продолжал спускаться. Женский голос всё громче, всё ярче раздавался во дворце; меня влекло к нему неотразимо... я хотел взглянуть в лицо певице, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились перед окном.

Посреди комнаты, убранной в помпейяновском вкусе и более похожей на древнюю храмину, чем на новейшую залу, окруженная греческими изваяниями, этрусскими вазами, редкими растениями, дорогими тканями, освещенная сверху мягкими лучами двух ламп, заключенных в хрустальные шары, – сидела за фортепьянами молодая женщина. Слегка закинув голову и до половины закрыв глаза, она пела итальянскую арию; она пела и улыбалась, и в то же время черты ее выражали важность, даже строгость... признак полного наслаждения! Она улыбалась... и Праксителев Фавн, ленивый, молодой, как она, изнеженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей из угла, из-за ветвей олеандра, сквозь тонкий дым, поднимавшийся с бронзовой курильницы на древнем треножнике. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотою, блеском и благовоением ночи, потрясенный до глубины сердца зрелищем этого молодого, спокойного, светлого счастья, я позабыл совершенно о моей спутнице, забыл о том, каким странным образом я стал свидетелем этой столь отдаленной, столь чуждой мне жизни, – и я хотел уже ступить на окно, хотел заговорить...

Всё мое тело вздрогнуло от сильного толчка – точно я коснулся лейденской банки. Я оглянулся... Лицо Эллис было – при всей своей прозрачности – мрачно и грозно; в

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба...

– Прочь! – бешено шепнула она, и снова вихрь, и мрак, и головокружение... Только на этот раз не крик легионов, а голос певички, оборванный на высокой ноте, остался у меня в ушах...

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, всё звенела и не переставала звенеть, хотя я чувствовал совсем другой воздух, другой запах... На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, – и пахло сеном, дымом, коноплей. За долго протянутой нотой последовала другая, потом третья, но с таким несомненным оттенком, с таким знакомым, родным переливом, что я тотчас же сказал себе: «Это русский человек поет русскую песню» – и в то же мгновение мне всё кругом стало ясно.

XV

Мы находились над плоским берегом. Налево тянулись, терялись в бесконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо в такую же бесконечность уходила ровная гладь великой многоводной реки. Недалеко от берега большие темные барки тихонько переваливались на якорях, слегка двигая остриями своих мачт, как указательными перстами. С одной из этих барок долетали до меня звуки разливого голоса, и на ней же горел огонек, дрожа и покачиваясь в воде своим длинным, красным отраженьем. Кое-где, и на реке и в полях, непонятно для глаза – близко ли, далеко ли – мигали другие огоньки; они то жмурились, то вдруг выдвигались лучистыми крупными точками; бесчисленные кузнечики немолчно стрекотали, не хуже лягушек понтийских болот, и под безоблачным, но низко нависшим темным небом изредка кричали неведомые птицы.

– Мы в России? – спросил я Эллис.

– Это Волга, – отвечала она. Мы понеслись вдоль берега.

– Отчего ты меня вырвала оттуда, из того прекрасного края? – начал я. – Завидно тебе стало, что ли? Уж не ревность ли в тебе пробудилась?

Губы Эллис чуть-чуть дрогнули, и в глазах опять мелькнула угроза... Но всё лицо тотчас же вновь оцепенело.

– Я хочу домой, – проговорил я.

– Погоди, погоди, – отвечала Эллис. – Теперешняя ночь – великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидетелем... Погоди.

И мы вдруг полетели через Волгу, в косвенном направлении, над самой водой, низко и порывисто, как ласточки перед бурей. Широкие волны тяжело журчали под нами, резкий речной ветер бил нас своим холодным, сильным крылом... Высокий правый берег скоро начал воздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

– Крикни: «Сарынь на кичку!» – шепнула мне Эллис.

Я вспомнил ужас, испытанный мною при появлении римских призраков, я чувствовал усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мне таяло, – я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится, как в Волчьей Долине Фрейшюца, что-то чудовищное, – но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряженным голосом: «Сарынь на кичку!»

XVI

Сперва всё осталось безмолвным, как и перед римской развалиной, но вдруг возле самого моего уха раздался грубый бурлацкий смех – и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигде не было видно, но с берега отпрянуло эхо – и разом и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрип снастей и колес, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное, и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье, и удалой посвист, гарканье и топот пляски... «Бей! вешай! топи! режь! любо! любо!

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
так! не жалеи!» – слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей, – а между тем кругом, насколько глаз доставал, ничего не показывалось, ничего не изменялось: река катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берег казался пустыней и одичалей – и только.

Я обратился к Эллис, но она положила палец на губы...

– Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет! – зашумело вокруг, – идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! – Я по-прежнему ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... – Фродка! где ты, пес? – загремел страшный голос. – Зажигай со всех концов – да в топоры их, белоручек!

На меня пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма – и в то же мгновение что-то теплое, словно кровь, брызнуло мне в лицо и на руки... Дикий хохот грянул кругом...

Я лишился чувств – и когда опомнился, мы с Эллис тихо скользили вдоль знакомой опушки моего леса, прямо к старому дубу...

– Видишь ту дорожку? – сказала мне Эллис, – там, где месяц тускло светит и свесились две березки?.. Хочешь туда?

Но я чувствовал себя до того разбитым и истощенным, что мог только проговорить в ответ:

– Домой... домой!..

– Ты дома, – отвечала Эллис.

Я действительно стоял перед самой дверью моего дома – один. Эллис исчезла. Дворовая собака подошла было, подозрительно оглянула меня – и с воем бросилась прочь.

Я с трудом дотащился до постели и заснул, не раздеваясь.

XVII

Всё следующее утро у меня голова болела, и я едва передвигал ноги; но я не обращал внимания на телесное мое расстройство, раскаяние меня грызло, досада душила.

Я был до крайности недоволен собою. «Малодушный! – твердил я беспрестанно, – да, Эллис права. Чего я испугался? как было не воспользоваться случаем?.. Я мог увидеть самого Цезаря – и я замер от страха, я запищал, я отвернулся, как ребенок от розги. Ну, Разин – это дело другое. В качестве дворянина и землевладельца... Впрочем, и тут, чего же я собственно испугался? Малодушный, малодушный!..»

– Да уж не во сне ли я всё это вижу? – спросил я себя наконец. Я позвал ключницу.

– Марфа, в котором часу я лег вчера в постель – не помнишь?

– Да кто ж тебя знает, кормилец.. Чай, поздно. В сумеречки ты из дома вышел; а в спальне-то ты каблучищами-то за полночь стучал. Под самое под утро – да. Вот и третьего дня тож. Знать, забота у тебя завелась какая.

«Эге-ге! – подумал я. – Летанье-то, значит, не подлежит сомнению». – Ну, а с лица я сегодня каков? – прибавил я громко.

– С лица-то? Дай погляжу. Осунулся маленько. Да и бледен же ты, кормилец: вот как есть ни кровинки в лице.

Меня слегка покорило... Я отпустил Марфу.

«Ведь этак умрешь, пожалуй, или сойдешь с ума, – рассуждал я, сидя в раздумье под окном. – Надо это всё бросить. Это опасно. Вон и сердце как странно бьется. А когда я летаю, мне всё кажется, что его кто-то сосет или как будто из него

что-то сочтется, – вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор. А все-таки жалко. Да и Эллис... Она играет со мной, как кошка с мышью... А впрочем, едва ли она желает мне зла. Отдамся ей в последний раз – нагляжусь – а там... Но если она пьет мою кровь? Это ужасно. Притом такое быстрое передвижение не может не быть вредным; говорят, и в Англии, на железных дорогах, запрещено ехать более ста двадцати верст в час...»

Так я размышлял с самим собою – но в десятом часу вечера я уже стоял перед старым дубом.

XVIII

Ночь была холодная, тусклая, серая; в воздухе пахло дождем. К удивлению моему, я никого не нашел под дубом; я прошелся несколько раз вокруг, доходил до опушки леса, возвращался, тщательно вглядывался в темноту... Всё было пусто. Я подождал немного, потом несколько раз сряду произнес имя Эллис всё громче и громче... но она не появлялась. Мне стало грустно, почти больно; прежние мои опасенья исчезли: я не мог примириться с мыслью, что моя спутница уже не вернется ко мне.

– Эллис! Эллис! приди же! Неужели ты не придешь? – закричал я в последний раз.

Ворон, которого мой голос разбудил, внезапно завозился в вершине соседнего дерева и, путаясь в ветвях, захлопал крыльями... Но Эллис не появлялась.

Понурился, я отправился домой. Впереди уже чернели ракиты на плотине пруда, и свет в окне моей комнаты мелькнул между яблонями сада, мелькнул и скрылся, словно глаз человека, который бы меня караулил, – как вдруг сзади меня послышался тонкий свист быстро рассекаемого воздуха, и что-то разом обняло и подхватило меня снизу вверх: кобчик так подхватывает когтем, «чокает» перепела... Это Эллис на меня налетела. Я почувствовал ее щеку на моей щеке, кольцо ее руки вокруг моего тела – и как острый холодок вонзился мне в ухо ее шёпот: «Вот и я». Я и испугался и обрадовался в одно и то же время... Мы неслись невысоко над землей.

– Ты не хотела прийти сегодня? – промолвил я.

– А ты соскучился по мне? Ты меня любишь? О, ты мой!

Последние слова Эллис меня смутили... Я не знал, что сказать.

– Меня задержали, – продолжала она, – меня караулили.

– Кто мог тебя задержать?

– Куда ты хочешь? – спросила Эллис, по обыкновению не отвечая на мой вопрос.

– Понеси меня в Италию, к тому озеру – помнишь? Эллис слегка отклонилась и отрицательно покачала головой. Тут я в первый раз заметил, что она перестала быть прозрачной. И лицо ее как будто окрасилось; по туманной его белизне разливался алый оттенок. Я взглянул в ее глаза... и мне стало жутко: в этих глазах что-то двигалось – медленным, безостановочным и зловещим движением свернувшейся и застывшей змеи, которую начинает отогревать солнце.

– Эллис! – воскликнул я. – кто ты? Скажи же мне, кто ты?

Эллис только плечом пожала.

Мне стало досадно... мне захотелось отомстить ей, – и вдруг мне пришло на ум велеть ей перенестись со мною в Париж. «Вот уж где придется тебе ревновать», – подумал я.

– Эллис! – промолвил я вслух, – ты не боишься больших городов, Парижа, например?

– Нет.

– Нет? Даже тех мест, где так светло, как на бульварах?

– Это не дневной свет.

– Прекрасно; так неси же меня сейчас на Итальянский бульвар.

Эллис накинула мне на голову конец своего длинного висячего рукава. Меня тотчас охватила какая-то белая мгла с снотворным запахом мака. Всё исчезло разом: всякий свет, всякий звук – и самое почти сознание. Одно ощущение жизни осталось – и это не было неприятно.

Внезапно мгла исчезла: Эллис сняла рукав с моей головы, и я увидел под собою громаду столпившихся зданий, полную блеска, движения, грохота... Я увидел Париж.

XIX

Я прежде бывал в Париже и потому тотчас узнал место, к которому направлялась Эллис. Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, крепостным рвом и звероподобными зуавами на часах. Минуя дворец, минуя церковь св. Роха, на ступенях которой первый Наполеон в первый раз пролил французскую кровь, мы остановились высоко над Итальянским бульваром, где третий Наполеон сделал то же самое и с тем же успехом. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины в пышных платьях теснились по панелям; раззолоченные рестораны и кофейные горели огнями; omnibusy, кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара; всё так и кипело, так и сияло, всё, куда ни падал взор... Но, странное дело! мне не захотелось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику. Казалось, горячий, тяжелый, рдяный пар поднимался оттуда, не то пахучий, не то смрадный: уж очень много жизнью сбилось там в одну кучу. Я колебался... Но вот резкий, как лязг железных полос, голос уличной лоретки внезапно долетел до меня; как наглый язык, высунулся он наружу, этот голос; он кольнул меня, как жало гадины. Я тотчас представил себе каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщичьи глаза, белила, румяны, взбитые волосы и букет ярких поддельных цветов под остроконечной шляпой, выскребленные ногти вроде когтей, безобразный кринолин... Я представил себе также и нашего брата степняка, бегущего дрянной припрыжкой за продажной куклой... Я представил себе, как он, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать в манерах гарсонам Вефура, пицит, подслуживается, юлит, – и чувство омерзения охватило меня... «Нет, – подумал я, – здесь Эллис ревновать не придется...»

Между тем я заметил, что мы понемногу начали понижаться... Париж вздымался к нам навстречу со всем своим гамом и чадом...

– Остановись! – обратился я к Эллис. – Неужели тебе не душно здесь, не тяжело?

– Ты сам просил меня перенести тебя сюда.

– Я виноват, я беру назад свое слово. Неси меня прочь, Эллис, прошу тебя. Так и есть: вот и князь Кульмаметов ковыляет по бульвару, и друг его, Серж Вараксин, машет ему ручкой и кричит: «Иван Степаныч, аллон супэ[3], скорей, же ангаже[4] самое Ригольбош!» Неси меня прочь от этих мабилей и мезон-доре, от ганденов и бишей, от жокей-клуба и фигаро, от выбритых солдатских лбов и вылощенных казарм, от сержандевилей с эспаньолками и стаканов мутного абсенту, от игроков в домино по кофейным и игроков на бирже, от красных ленточек в петлице сюртука и в петлице пальто, от господина де Фуа, изобретателя «специальности браков» и даровых консультаций д-ра Шарля Альбера, от либеральных лекций и правительственных брошюр, от парижских комедий и парижских опер, от парижских острот и парижского невежества... Прочь! прочь! прочь!

– Взгляни вниз, – отвечала мне Эллис, – ты уже не над Парижем.

Я опустил глаза... Точно. Темная равнина, кой-где пересеченная беловатыми чертами дорог, быстро бежала под нами, и только назади, на небосклоне, как зарево огромного пожара, било кверху широкое отражение бесчисленных огней мировой столицы.

XX

Опять упала пелена на глаза мои... Опять я забылся. Она рассеялась наконец.

Что это там внизу? Какой это парк с аллеями стриженных лип, с отдельными елками в виде зонтиков, с портиками и храмами во вкусе помпадур, с изваяниями сатиров и нимф берниниевской школы, с тритонами рококо на середине изогнутых прудов, окаймленных низкими перилами из почерневшего мрамора? Не Версаль ли это? Нет,

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

это не Версаль. Небольшой дворец, тоже рококо, выглядывает из-за купы кудрявых дубов. Луна неясно светит, окутанная паром, и по земле как будто разостлался тончайший дым. Глаз не может разобрать, что это такое: лунный свет или туман? Вон на одном из прудов спит лебедь: его длинная спина белеет, как снег степей, прохваченных морозом, – а вон светляки горят алмазами в голубоватой тени у подножья статуй.

– Мы возле Мангейма, – промолвила Эллис, – это Швецингенский сад.

«Так мы в Германии!» – подумал я и начал прислушиваться. Всё было безмолвно; только где-то уединенно и незримо плескалась и болтала струйка падавшей воды. Казалось, она твердила всё одни и те же слова: «Да, да, да, всегда, да». И вдруг мне почудилось, как будто по самой середине одной из аллей, между стенами стриженной зелени, жеманно подавая руку даме в напудренной прическе и пестром роброне, выступал на красных каблуках кавалер, в золоченом кафтане и кружевных манжетках, с легкой стальной шпагой на бедре... Странные, бледные лица... Я хочу взглянуть в них... Но уже всё исчезло, и только по-прежнему болтает вода.

– Это сны бродят, – шепнула Эллис, – вчера можно было увидеть много... много. Сегодня и сны бегут человеческого глаза. Вперед! Вперед!

Мы поднялись кверху и полетели дальше. Так плавлен и ровен был наш полет, что казалось: не мы двигались, а всё, напротив, к нам двигалось навстречу. Появились горы, темные, волнистые, покрытые лесом; они выросли и поплыли на нас... Вот уже они протекают под нами со всеми своими извилинами, ложбинами, узкими лугами, с огненными точками в заснувших деревушках у быстрых ручьев на дне долин; а впереди опять вырастают и плывут другие горы... Мы в недрах Шварцвальда.

Горы, всё горы... и лес, прекрасный, старый, могучий лес. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу деревьев; особенно великолепны пихты с их белыми прямыми стволами. Кое-где на опушках виднеются дикие козы; стройно и чутко стоят они на своих тонких ножках и прислушиваются, красиво повернув головы и насторожив большие трубчатые уши. Развалина башни печально и слепо выставляет с вершины голого утеса свои полуобрушенные зубцы; над старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звездочка. Из небольшого, почти черного озера поднимается, как таинственная жалоба, стелющееся уkanie маленьких жаб. Мне чудятся другие звуки, длинные, томные, подобные звукам эоловой арфы... Вот она, страна легенд! Тот же самый тонкий лунный дым, который поразил меня в Швецингене, разлит здесь повсюду, и чем дальше расходятся горы, тем гуще этот дым. Я насчитываю пять, шесть, десять различных тонов, различных пластов тени по уступам гор, и над всем этим безмолвным разнообразием задумчиво царит луна. Воздух струится мягко и легко. Мне самому легко и как-то возвышенно спокойно и грустно...

– Эллис, ты должна любить этот край!

– Я ничего не люблю.

– Как же это? А меня?

– Да... тебя! – отвечает она равнодушно.

Мне сдается, что ее рука теснее прежнего обвивала мой стан.

– Вперед! Вперед! – говорит Эллис с каким-то холодным увлечением.

– Вперед! – повторяю я.

XXI

Сильный, переливчатый, звонкий крик раздался внезапно над нами и тотчас же повторился уже немного впереди.

– Это запоздалые журавли летят к вам, на север, – сказала Эллис, – хочешь к ним присоединиться?

– Да, да! подними меня к ним...

Мы взвились и в один миг очутились рядом с пролетавшей станицей.

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Крупные красивые птицы (их всего было тринадцать) летели трехугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянув голову и ноги, круто выставив грудь, они стремились неуклонно и до того быстро, что воздух свистал вокруг. Чудно было видеть на такой вышине, в таком удалении от всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая победоносно рассекать пространство, журавли изредка перекликались с передовым товарищем, с вожаком, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоуверенное в этих громких возгласах, в этом подоблачном разговоре. «Мы долетим небось, хоть и трудно», – казалось, говорили они, ободряя друг друга. И тут мне пришло в голову, что таких людей, каковы были эти птицы, в России – где в России! в целом свете немного.

– Мы теперь летим в Россию. – промолвила Эллис. Я уже не в первый раз мог заметить, что она почти всегда знала, о чем я думаю. – Хочешь вернуться?

– Вернемся... или нет! Я был в Париже; носи меня в Петербург.

– Теперь?

– Сейчас... Только закрой мне голову твоей пеленой. а то мне дурно делается.

Эллис подняла руку... но прежде чем туман охватил меня, я успел почувствовать на губах моих прикосновение того мягкого, тупого жала...

XXII

«Слуша-а-а-а-ай!» – раздался в ушах моих протяжный крик. «Слуша-а-а-а-ай!» – словно с отчаянием отозвалось в отдалении. «Слуша-а-а-а-ай!» – замерло где-то на конце света. Я встрепенулся. Высокий золотой шпиль бросился мне в глаза: я узнал Петропавловскую крепость.

Северная, бледная ночь! Да и ночь ли это? Не бледный, не больной ли это день? Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало: облик Эллис исчезал совершенно, таял, как утренний туман на июльском солнце, и я ясно видел всё свое тело, как оно грузно и одиноко висело в уровень Александровской колонны. Так вот Петербург! Да, это он, точно. Эти пустые, широкие, серые улицы; эти серо-беловатые, желто-серые, серо-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, с их впальными окнами, яркими вывесками, железными навесами над крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакия; ненужная пестрая биржа; гранитные стены крепости и взломанная деревянная мостовая; эти барки с сеном и дровами; этот запах пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменелые дворники в тулупах у ворот, эти скорченные мертвенным сном извозчики на продавленных дрожках, – да, это она, наша Северная Пальмира. Всё видно кругом; всё ясно, до жуткости четко и ясно, и всё печально спит, странно громоздясь и рисуясь в тускло-прозрачном воздухе. Румянец вечерней зари – чахоточный румянец – не сошел еще, и не сойдет до утра с белого, беззвездного неба; он ложится полосами по шелковистой глади Невы, а она чуть журчит и чуть колышется, торопя вперед свои холодные синие воды...

– Улетим, – взмолилась Эллис.

И, не дожидаясь моего ответа, она понесла меня через Неву, через Дворцовую площадь, к Литейной. Шаги и голоса слышались внизу: по улице шла кучка молодых людей с испитыми лицами и толковала о танцклассе. «Подпоручик Столпаков седьмой!» – крикнул вдруг спросонку солдат, стоявший на часах у пирамидки ржавых ядер, а несколько подалее, у раскрытого окна высокого дома, я увидел девицу в измятом шелковом платье, без рукавчиков, с жемчужной сеткой на волосах и с папироской во рту. Она благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших Ювеналов.

– Улетим! – сказал я Эллис.

Минута, и уже мелькали под нами гнилые еловые лесушки и моховые болота, окружающие Петербург. Мы направлялись прямо к югу: небо и земля, всё становилось понемногу темней и темней. Больная ночь, больной день, больной город – всё осталось позади.

XXIII

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Мы летели тише обыкновенного, и я имел возможность уследить глазами, как постепенно разворачивалось передо мною, подобно свитку нескончаемой панорамы, обширное пространство родной земли. Леса, кусты, поля, овраги, реки – изредка деревни, церкви – и опять поля, и леса, и кусты, и овраги... Грустно стало мне и как-то равнодушно скучно. И не потому стало мне грустно и скучно, что пролетал я именно над Россией. Нет! Сама земля, эта плоская поверхность, которая расстилалась подо мною; весь земной шар с его населением, мгновенным, немощным, подавленным нуждою, горем, болезнями, прикованным к глыбе презренного праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этот нарост на огненной песчинке нашей планеты, по которому проступила плесень, величаемая нами органическим, растительным царством; эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух; их слепленные из грязи жилища, крохотные следы их мелкой, однообразной возни, их забавной борьбы с неизменяемым и неизбежным, – как это мне вдруг всё опротивело! Сердце во мне медленно перевернулось, и не захотелось мне более глазеть на эти незначительные картины, на эту пошлую выставку... Да, мне стало скучно – хуже чем скучно. Даже жалости я не ощущал к своим братьям: все чувства во мне потонули в одном, которое я назвать едва дерзаю: в чувстве отвращения, и сильнее всего, и более всего во мне было отвращение – к самому себе.

– Перестань, – шепнула Эллис, – перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжел становишься.

– Ступай домой, – отвечал я ей тем же голосом, каким я говаривал эти слова моему кучеру, выходя в четвертом часу ночи от московских приятелей, с которыми с самого обеда толковал о будущности России и значении общины. – Ступай домой, – повторил я и закрыл глаза.

XXIV

Но я скоро раскрыл их. Эллис как-то странно ко мне прижималась; она почти толкала меня. Я посмотрел на нее – и кровь во мне застыла. Кому случалось увидеть на лице другого внезапное выражение глубокого ужаса, причину которого он не подозревает, – тот меня поймет. Ужас, томительный ужас кривил, искажал бледные, почти стертые черты Эллис. Я не видал ничего подобного даже на живом человеческом лице. Безжизненный, туманный призрак, тень... и этот замирающий страх...

– Эллис, что с тобой? – проговорил я наконец.

– Она... она... – отвечала она с усилием, – она!

– Она? Кто она?

– Не называй ее, не называй, – торопливо пролепетала Эллис. – Надо спасаться, а то всему конец – и навсегда... Посмотри: вон там!

Я обернул голову в сторону, куда указывала мне трепещущая рука, – и увидел нечто... нечто действительно страшное.

Это нечто было тем страшнее, что не имело определенного образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, как брюхо ящерицы, – не туча и не дым, медленно, змеиным движением, двигалось над землей. Мерное, широкое колебание сверху вниз и снизу вверх, колебание, напоминающее зловещий размах крыльев хищной птицы, когда она ищет свою добычу; по временам неизъяснимо противное прикивание к земле, – паук так прикивает к пойманной мухе... Кто ты, что ты, грозная масса? Под ее веянием – я это видел, я это чувствовал – всё уничтожалось, всё немело... Гнилым, тлетворным холодком несло от нее – от этого холодка тошнило на сердце и в глазах темнело и волосы вставали дыбом. Это сила шла; та сила, которой нет сопротивления, которой всё подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла – всё видит, всё знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом...

– Эллис! Эллис! – закричал я как иступленный. – Это смерть! сама смерть!

Жалобный звук, уже прежде слышанный мною, вырвался из уст Эллис – на этот раз он скорее походил на человеческий отчаянный вопль – и мы понеслись. Но наш полет был странно и страшно неровен; Эллис кувыркалась на воздухе, падала, бросалась из стороны в сторону, как куропатка, смертельно раненная или желаящая отвлечь собаку от своих детей. А между тем, вслед за нами, отделившись от

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
неизъяснимо-ужасной массы, покатались какие-то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутые руки, словно когти... Громадный образ закутанной фигуры на бледном коне мгновенно встал и взвился под самое небо... Еще тревожнее, еще отчаяннее заметалась Эллис. «Она увидела! Всё кончено! Я пропала!.. – слышался ее прерывистый шепот. – О, я несчастная! Я могла бы воспользоваться, набраться жизни... а теперь... Ничтожество, ничтожество!»

Это было слишком невыносимо... Я лишился чувств.

XXV

Когда я опомнился – я лежал навзничь в траве и чувствовал во всем теле глухую боль, как от сильного ушиба. На небе брезжило утро: я мог ясно различать предметы. Невдалеке, вдоль березовой рощицы, шла дорога, усаженная раkitами: места мне казались знакомые. Я начал припоминать, что произошло со мною, – и содрогнулся весь, как только пришло мне на ум то последнее безобразное видение...

«Но чего же испугалась Эллис? – подумал я. – Ужели и она подлежит ее власти? Разве она не бессмертна? Разве и она обречена ничтожеству, разрушению? как это возможно?»

Тихий стон раздался вблизи. Я повернул голову. В двух шагах от меня недвижно лежала распростертая молодая женщина в белом платье, с разбросанными густыми волосами, с обнаженным плечом. Одна рука закинулась за голову, другая упала на грудь. Глаза были закрыты, и на стиснутых губах выступила легкая алая пена. Неужели это Эллис? Но Эллис – призрак, а я видел перед собою живую женщину. Я подполз к ней. наклонился...

– Эллис? ты ли это? – воскликнул я. Вдруг, медленно затрепетав, приподнялись широкие веки; темные пронзительные глаза впелись в меня – и в то же мгновение в меня впелись и губы, теплые, влажные, с кровавым запахом... мягкие руки крепко обвили вокруг моей шеи, горячая полная грудь судорожно прижалась к моей.

– Прощай! прощай навек! – явственно произнес замиравший голос – и всё исчезло.

Я приподнялся, шатаюсь на ногах словно пьяный – и проведя несколько раз руками по лицу, огляделся внимательно. Я находился возле большой ...ой дороги, в двух верстах от своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался домой.

Все следующие ночи я ждал – и, признаюсь, не без страха – появления моего призрака; но он не посещал меня более. Я даже отправился однажды в сумерки к старому дубу, но и там не произошло ничего необыкновенного. Впрочем, я не слишком жалел о прекращении такого странного знакомства. Я много и долго размышлял об этом непонятном, почти бестолковом казусе – и я убедился, что не только наука его не объясняет, но что даже в сказках, в легендах не встречается ничего подобного. Что такое Эллис в самом деле? Привидение, скитающаяся душа, злой дух, сильфида, вампир, наконец? Иногда мне опять казалось, что Эллис – женщина, которую я когда-то знал, – и я делал страшные усилия, чтобы припомнить, где я ее видел... Вот-вот – казалось иногда, – сейчас, сию минуту вспомню... Куда! всё опять расплывалось как сон. Да, я думал много и, как водится, ни до чего не додумался. Спросить совета или мнения других людей я не решался, боясь прослыть за сумасшедшего. Я, наконец, бросил все свои размышления: правду сказать, мне было не до того. С одной стороны, подвернулась эманципация с разверстанием угодий и пр. и пр.; а с другой, собственное здоровье расстроилось: грудь заболела, бессонница, кашель. Всё тело сохнет. Лицо желтое, как у мертвеца. Доктор уверяет, что у меня крови мало, называет мою болезнь греческим именем «анемией» – и посылает меня в Гастейн. А посредник божится, что без меня с крестьянами «не сообразишь»...

Вот тут и соображай!

Но что значат те пронзительно чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, как только заговорят при мне о чьей-нибудь смерти? Они становятся всё громче, всё пронзительней... И зачем я так мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожестве?

Примечания

1 Божественный Кай Юлий Цезарь!.. (лат.).

Призраки. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

2 «Цезарь, Цезарь идет!» (лат.).

3 Пойдем ужинать (франц.).

4 я пригласил (франц.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!